Искренно много любимому, душею уважаемому за высокие нравственные качества [illegible] Николаю Петровичу Поливанову —

М. Щербинин

Автограф!

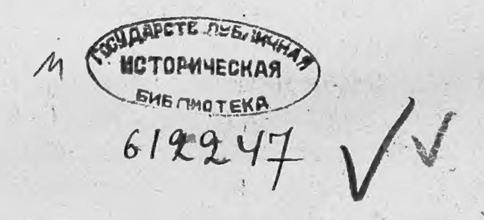
ВОСПОМИНАНІЯ

МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА

ЩЕРБИНИНА.

МОСКВА.
Типографія Грачева и к., у Пречистенскихъ воротъ, д. Шиловой.
1876.

Дозволено цензурой. Москва, 13 Ноября 1876 года.

(Отдѣльный оттискъ изъ «Русскаго Архива» №. XI, 1876 года.)

ВОСПОМИНАНІЯ М. П. ЩЕРБИНИНА.

На грани полувѣковаго служебнаго пути, мною пройденнаго, оглядываюсь, провѣряю, въ своей памяти, случившееся со мною на этомъ пути, вспоминаю о быломъ, невозвратномъ, подвожу итоги вынесеннымъ мною впечатлѣніямъ. Для меня воспоминанія эти драгоцѣнны тѣмъ, что неразрывно связаны съ именемъ доблестнаго, истинно-русскаго мужа, который, обнаживъ мечь свой еще подъ стѣнами Ганжинскими, при знаменитомъ Циціяновѣ, покрывъ себя воинскою славою на поляхъ Бородинскихъ и Краонскихъ, посвятилъ потомъ творческую предпріимчивость свою развитію жизненныхъ силъ на двухъ обширныхъ окрайнахъ нашего Отечества: въ Новой Россіи и на Кавказѣ. Рѣдко кому довелось, подобно мнѣ, пройти болѣе двухъ третей долгаго служебнаго поприща подъ непосредственнымъ руководствомъ одного начальника. Не изгладятся изъ сердца моего чувства благоговѣйной признательности къ нему и къ достойнѣйшему его сыну, оказавшему въ свою очередь, по кончинѣ своего отца, истинное мнѣ благодѣяніе. Эти сѣмена благодарности, возросшія весною жизни моей, созрѣвшія и умножившіяся въ теченіи лѣта и осени, доставили обильные плоды, согрѣвающіе зимніе дни моего существованія.

Въ 1825 году, проѣздомъ изъ Петербурга чрезъ Москву, Новороссійскій генералъ-губернаторъ, полномочный намѣстникъ Бессарабской области, графъ Воронцовъ посѣтилъ осѣнившую меня, почти съ колыбели, заботливою попечительностію, тетушку мою Настасію Михайловну Щербинину, дочь знаменитой княгини Дашковой, и предложилъ ей опредѣлить меня на службу къ нему въ гражданскую канцелярію. Предложеніе это было радостно принято, и состоявшій при графѣ Воронцовѣ, А. И. Левшинъ (нынѣ членъ Государственнаго Совѣта) исполнилъ всѣ требуемые обряды моего опредѣленія.

15 Іюня 1825 г., снабженный подорожною по казенной надобности, осѣнивъ себя знаменіемъ Креста Спасителя, я разлучился впервыя съ своею теткою, которая посвящала себя моему воспитанію и образованію и не щадила для того ни усердныхъ трудовъ, ни матеріальныхъ пожертвованій; разлучился съ возлюбленными сестрами, раздѣлявшими со мною радости и горести первой юности; съ дорогою для сердца Русскаго Москвою, и пустился въ путь, представлявшійся моему воображенію нескончаемо-долгимъ.

Въ Кіевѣ я нашелъ письмо графа Воронцова, коимъ онъ приглашалъ меня заѣхать въ мѣстечко Бѣлую Церковь, гдѣ онъ встрѣтилъ свою супругу и съ нею вмѣстѣ гостилъ у своей тещи графини А. В. Браницкой.

Пробывъ нѣсколько дней въ прелестной Александріи, близъ Бѣлой Церкви, гдѣ графиня обыкновенно проводила лѣтніе мѣсяцы, я

отправился съ адъютантомъ графа Воронцова (бывшимъ впослѣдствіи товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ), И. Г. Сенявинымъ въ Одессу, за нѣсколько времени до прибытія туда самаго графа. Мы ѣхали по безплоднымъ тогда, безлѣснымъ и безводнымъ Новороссійскимъ степямъ, и наконецъ увидѣлъ я грозныя волны Понта Эвксинскаго. Не забуду впечатлѣнія, произведеннаго на меня зрѣлищемъ бушующаго моря. Долго не могъ я оторваться отъ созерцанія величественной стихіи.

Въ Одессѣ мнѣ отвели квартиру въ домѣ, который нанимался графомъ Воронцовымъ для нѣкоторыхъ чиновниковъ, при немъ служившихъ; самъ же онъ помѣщался въ единственномъ тогда просторномъ и прилично убранномъ домѣ Фундуклея.

До прибытія графа Воронцова я познакомился съ моими товарищами по службѣ и во многихъ изъ нихъ нашелъ молодыхъ людей отлично образованныхъ и преисполненныхъ усердною преданностію своимъ обязанностямъ; между прочими сблизился я съ Туманскимъ, Безакомъ, Морозовымъ, Бахметевымъ, и т. д. Собирались мы иногда у Д. Е. Башмакова. Въ привѣтливой гостинной радушнаго хозяина и любезной его супруги Варвары Аркадіевны (рожденной княжны Суворовой), услаждавшей наши бесѣды музыкою и пѣніемъ, мы проводили многіе пріятные вечера, которые, конечно, памятны всѣмъ посѣщавшимъ эту гостепріимную, ласковую чету.

По пріѣздѣ въ центральный пунктъ своего управленія, графъ Воронцовъ, съ семействомъ, поселился въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, на приморскомъ хуторѣ Рено, куда я долженъ былъ ежедневно являться въ 7 часовъ утра, совершая эти поѣздки верхомъ на лошади изъ конюшни графа. На этомъ хуторѣ, въ кабинетѣ незабвеннаго моего начальника, совершились первые шаги моего служебнаго поприща. Ежедневно пріѣзжали, попеременно, съ докладами начальники отдѣленій канцеляріи Новороссійскаго генералъ-губернатора и различныхъ ему подвѣдомственныхъ управленій. Здѣсь, подъ руководствомъ А. И. Казначеева и А. И. Левшина, я сталъ изучать пружины служебнаго механизма.

Послѣ обѣда, ежедневно, графъ Воронцовъ бралъ меня съ собою на прогулку, въ открытое море, на принадлежавшей ему небольшой однопарусной яхточкѣ. Онъ питалъ особенное пристрастіе къ морю и не рѣдко сѣтовалъ, что не выполнилъ своего призванія: не сдѣлался морякомъ. Находясь въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ покойнымъ адмираломъ А. С. Грейгомъ и въ непрерывной съ нимъ перепискѣ, графъ Воронцовъ принималъ живѣйшее участіе въ судьбахъ Черноморскаго флота и содѣйствовалъ его преуспѣянію.

Въ теченіи того же лѣта, мнѣ довелось совершить съ графомъ Воронцовымъ и его семействомъ первое въ жизни моей продолжительное плаваніе, на 3-хъ мачтовой яхтѣ „Утѣха“, къ берегамъ Тавриды. Мы пристали противъ Юрзуфа, гдѣ тогда было единственное, порядочное жилище, устроенное дюкомъ-де-Ришелье, пріобрѣтенное графомъ Воронцовымъ, а нынѣ принадлежащее И. И. Фун-

дуклею. Отсюда мы совершали поѣздки по южному берегу Крыма. Съ какими трудностями сопряжены были тогда переѣзды, на Татарскихъ лошадяхъ и сѣдлахъ, по едва проходимымъ тропинкамъ, скалистымъ утесамъ, каменистымъ ущеліямъ! Нынѣ тутъ прекрасная шоссейная дорога, змѣйкою извивающаяся, и окаймленная великолѣпными виллами и роскошными садами. Какимъ восторгомъ преисполнилось бы сердце геніальнаго дѣятеля, пересоздавшаго эту очаровательную страну, при видѣ Ливадіи, возникшей трудами и заботами увлеченнаго, подобно многимъ, его примѣромъ графа Л. С. Потоцкаго и превратившейся въ Царскую резиденцію! Конечно не могъ тогда графъ Воронцовъ и мечтать, чтобы когда либо столь благодатная участь постигла его возлюбленный южный Крымскій берегъ.

Вскорѣ страна эта была осчастливлена посѣщеніемъ Александра I-го. Въ Алупкѣ (избранной графомъ Воронцовымъ для основанія того величественнаго зелено-гранитнаго зданія, тѣхъ Армидиныхъ садовъ, которые приводятъ въ восторженное изумленіе нынѣшнихъ путешественниковъ), въ простой Татарской саклѣ, спаситель Европы, державною своею десницею утверждалъ разнородныя предположенія, касавшіяся развитія благосостоянія и просвѣщенія Новороссійскаго края: дарованія ему льготъ и преимуществъ, впослѣдствіи сторицею вознаградившихся умноженіемъ мѣстнаго богатства, поощренія торговой промышленности, продолженія портофранко въ Одессѣ, этомъ единственномъ тогда центрѣ отпускной торговли на Югѣ Россіи, и пр. и пр. Но это были послѣдніе дни Александра Благословеннаго. Невозможно изобразить силу скорби, овладѣвшей графомъ Воронцовымъ по кончинѣ государя: обливаясь слезами, вспоминалъ онъ о грозныхъ событіяхъ 1812-го года, о самоотверженіи Русскаго Царя и вождя, подъ знаменами коего торжествовало Русское оружіе.

Когда получено было извѣстіе о вступленіи на престолъ Императора Николая, „Великъ Богъ Русскій!“ произнесъ, перекрестясь, графъ Воронцовъ.

Испросивъ соизволеніе воцарившагося Государя представиться Его Величеству, графъ Воронцовъ, весною 1826 года, отправился въ С.-Петербургъ и взялъ меня съ собою. Въ это время удостоились Высочайшаго утвержденія, по личнымъ его докладамъ, предположенія о развитіи и умноженіи жизненныхъ силъ въ Новороссійскомъ краѣ; о преобразованіи Бессарабской области, и введеніи въ ней гражданскаго устройства съ подчиненіемъ управленія, на однообразныхъ съ прочими губерніями началахъ, генералъ-губернатору, при чемъ упразднились права полномочнаго намѣстника.

Графъ Воронцовъ предполагалъ изъ С.-Петербурга отправиться въ Москву на коронованіе Государя Императора; но Его Величеству благоугодно было назначить его, вмѣстѣ съ А. И. Рибопьеромъ, уполномоченнымъ на конференціяхъ съ посланными отъ Турецкаго султана. Мѣстомъ для негоціяціи былъ избранъ небольшой, съ самыми ничтожными жилищами, городъ Акерманъ, на Днѣ-

стрѣ въ 40 верстахъ отъ Одессы. Здѣсь, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, рука объ руку съ дипломатическими занятіями, велись дѣла и по управленію Новороссійскимъ краемъ.

По заключеніи переговоровъ, мы возвратились въ Одессу, откуда, въ послѣдніе мѣсяцы года, графъ Воронцовъ отправился въ Высочайше ему разрѣшенный отпускъ за границу.

Проводивъ его до Бродъ, я поспѣшилъ въ Москву. Многіе годы протекли, но еще живо сохранились въ моей памяти тѣ сладостныя ощущенія, которыя овладѣли моимъ существомъ, когда послѣ утомительной дороги, совершенной на перекладной телегѣ, подъѣзжалъ я со станціи Подольска къ родимой Бѣлокаменной и восторженнымъ моимъ взорамъ представились златыя главы ея церквей.

Въ Москвѣ я занялся выполненіемъ нѣкоторыхъ порученій графа Воронцова, и воспользовался этимъ временемъ, чтобы держать экзаменъ въ университетѣ. Въ Мартѣ 1827 г. я получилъ аттестатъ, предоставившій мнѣ служебныя права 1-го разряда. Въ концѣ того же года, по приказанію графа Воронцова, возвращавшагося изъ своей поѣздки за границу я отправился къ нему на встрѣчу въ Ригу и, пробывъ потомъ нѣсколько времени въ С.-Петербургѣ, прибылъ въ Одессу.

Въ 1828 г. возгорѣлась война съ Отоманскою Портою, поправшею конвенцію, заключенную въ Акерманѣ и всѣ прежніе договоры. Лѣтомъ, наша Царственная Семья осчастливила своимъ прибытіемъ Одессу и помѣстилась въ только что отстроенномъ и приготовленномъ къ ея принятію великолѣпномъ домѣ графа Воронцова, на оконечности приморскаго бульвара [1]). Вскорѣ Императоръ Николай отправился въ дѣйствующую армію, а Императрица Александра Ѳеодоровна переселилась на приморскій хуторъ Рено.

Всѣ усилія графа Воронцова и его супруги были направлены къ тому, чтобы доставить царственной гостьѣ возможное спокойствіе и развлеченіе. Между прочимъ былъ устроенъ на хуторѣ, занимаемомъ графомъ Воронцовымъ и прилегающемъ къ резиденціи Императрицы, праздникъ, начавшійся съ того, что на переходѣ Ея Величества съ своего хутора на другой, она была встрѣчена толпою дѣвицъ, въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, бросавшихъ къ ея стопамъ букеты цвѣтовъ. Пройдя по ковру изъ этихъ цвѣтовъ, Императрица была принята хозяевами въ импровизованномъ, на берегу моря, открытомъ павильонѣ, образующемъ какъ бы театральную сцену, на которую высажена была подплывшая на лодкѣ вдоль берега примадонна Одесской Итальянской оперы Мориkони съ другими артистами. Она пропѣла арію изъ оперы Танкреда: „cara patria, dolce te ingrata

---

[1]) Домъ этотъ былъ пріобрѣтенъ за долго до того графинею А. В. Браницкою у г-на Куликовскаго. На мѣстѣ нынѣшняго прекраснаго бульвара находились еще остатки Турецкихъ конюшенъ, и приморскій берегъ до графа Воронцова оставался въ пренебреженіи, такъ какъ дюкъ Ришелье строилъ зданія подальше отъ берега, вѣроятно опасаясь обваловъ и зыбкой почвы. *П. Б.*

patria“ и пр. За тѣмъ представлены были отрывки изъ другихъ оперъ; вечеръ окончился танцами, длившимися далеко за полночь, и ужиномъ.

Возвратившись къ Одессу съ театра войны, Императоръ Николай Павловичъ получилъ донесеніе, что князь Менщиковъ, осаждавшій крѣпость Варну, отражая 9-го Августа непріятеля, сдѣлавшаго вылазку, былъ жестоко контуженъ ядромъ въ обѣ ноги и лишился возможности вести осаду. Его Величеству угодно было возложить продолженіе оной на графа Воронцова. 16-го Августа мы сѣли на фрегатъ „Штандартъ“ и черезъ 36 часовъ благополучнаго плаванія прибыли подъ Варну, 17-го Августа вечеромъ.

Передо мною развернулась жизнь новая, боевая, преисполненная треволненій и самыхъ разнообразныхъ ощущеній. Мнѣ стали знакомы чарующія доблести Русскаго воина: его отвага, самоотверженіе, сознаніе святости призванія. Посѣщая безпрестанно, въ траншеяхъ, нѣкоторыхъ своихъ знакомыхъ и сверстниковъ, служившихъ въ Измаиловскомъ полку, я имѣлъ случай преклоняться предъ стойкостію, терпѣніемъ и мужествомъ Измаиловцевъ, которые, соревнуя съ 13-мъ и 14-мъ егерскими полками, стремились къ достойному выполненію своего долга предъ Царемъ и Отечествомъ.

Прибытіе графа Воронцова ознаменовалось сильнымъ нападеніемъ непріятеля на нашъ правый флангъ. Ночью на 18-е Августа Турки отчаянно бросились на редутъ, открывъ сильный огонь изъ 3-хъ амбразуръ и 2-хъ наружныхъ батарей. Прискакавъ къ мѣсту сраженія, графъ Воронцовъ, съ тѣмъ же невозмутимымъ хладнокровіемъ, съ коими разрѣшалъ вопросы по гражданскому управленію, приступилъ къ распоряженіямъ для отраженія непріятельскаго натиска. Турки отступили; но, остановясь за буграми въ ложементахъ, водрузили на нихъ свои знамена. Вызванные графомъ Воронцовымъ охотники, выждавъ ночь, при лунномъ сіяніи, подошли къ этимъ ложементамъ, перекололи значительное число Турокъ, обратили прочихъ въ бѣгство и овладѣли знаменами.

Мнѣ довелось быть свидѣтелемъ самыхъ ожесточенныхъ кровавыхъ стычекъ, въ продолженіи осады Варны. 14 Сентября Турецкій укрѣпленный лагерь, въ 300 саженяхъ отъ крѣпости, сдѣлался добычею Русскихъ, при чемъ отбитая у непріятеля пушка пожалована была графу Воронцову Государемъ Императоромъ (прибывшимъ 27 Августа къ флоту на Варнскій рейдъ). Памятны мнѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, впечатлѣнія, произведенныя зрѣлищемъ взрывовъ 21-го и 22-го чиселъ, подъ бастіонами крѣпости и саперными нашими работами, что доставило войску нашему возможность проникнуть въ городъ и начать штурмъ, который былъ отложенъ лишь по человѣколюбію милосердаго нашего Царя, пощадившаго жизнь своихъ вѣрныхъ слугъ и повелѣвшаго, во избѣжаніе кровопролитія, вступить въ переговоры съ начальникомъ Турецкаго гарнизона. Послѣ нѣкотораго упорства, Турки, убѣдившись, что стѣны крѣпости не могутъ далѣе служить имъ защитою, 29-го Сентября сдались безусловно, и побѣдоносное наше войско, съ распущенными знаменами,

при звукахъ музыки, съ барабаннымъ боемъ, вступило, чрезъ проломы бастіоновъ и главные ворота, въ Варну, никѣмъ дотолѣ непокоренную, въ древній Діонисіополь.

Въ продолженіи военныхъ дѣйствій, графъ Воронцовъ не переставалъ заниматься гражданскимъ управленіемъ ввѣреннаго ему края и разрѣшеніемъ дѣлъ, доставляемыхъ въ нашъ лагерь, на судахъ, приходившихъ изъ Одессы съ провіантомъ, снарядами и запасами. Многія предположенія были графомъ лично повергаемы на разсмотрѣніе и утвержденіе Государя Императора; между прочимъ, подъ стѣнами Варны, положены были основанія возвеличенію и обогащенію древней Пантикапеи, нынѣшней Керчи, служащей какъ бы звѣномъ соединенія Чернаго моря съ Азовскимъ.

По взятіи Варны, Государь изволилъ перейти съ корабля „Парижъ" на линейный корабль „Императрица Марія". Въ свитѣ его находился, между прочими, и графъ Воронцовъ. Послѣ 36 часоваго благополучнаго и самаго пріятнаго плаванія, началась буря, какой не могли запомнить и самые опытные моряки. Неимовѣрно-сильными порывами вѣтра всѣ снасти корабля были уничтожены; на палубѣ, заливаемой морскими волнами, едва можно было держаться. Нельзя было, безъ глубокаго благоговѣнія, взирать на стойкость и хладнокровіе нашего Государя: ни на одинъ мигъ величавое чело его не возмутилось малѣйшимъ признакомъ тревожнаго ощущенія! Были дѣлаемы разныя предположенія, какъ быть, если своеволіемъ бури корабль будетъ занесенъ въ Босфоръ. Среди всеобщаго тревolненія меня лично устрашала, выше всего, мысль, что если мнѣ суждено погибнуть, то никто изъ моихъ родныхъ и друзей не увидитъ на мнѣ ордена Св. Анны 3 степени, коего я былъ удостоенъ. Этотъ первый знакъ отличія, мнѣ пожалованный, возродилъ во мнѣ наиживѣйшія чувства радости, и доселѣ, по истеченіи полувѣка, неизмѣнно сохранившіяся въ моей памяти и сердцѣ. Вскорѣ грозныя предвидѣнія гибели разсѣялись. Всевышній Промыслъ оградилъ своего помазанника: 3-го Октября, въ 3 часа ночи, я былъ пробужденъ пушечнымъ выстрѣломъ, извѣстившимъ о прибытіи нашего корабля на Одесскій рейдъ *).

*) Памятникомъ этого спасенія служитъ церковь, внизу приморскаго Одесскаго бульвара, во имя Св. Николая Чудотворца.

Объ этомъ достопамятномъ плаваніи находимъ нѣкоторыя подробности въ Письмахъ Ф. П. Фонтона къ Павлу Ивановичу Кривцову (Лейпцигъ, 1862, т. II-й, стр. 195 и д.): „Буря до такой свирѣпости дошла, что почти другаго спасенія не предстояло, какъ постараться въѣхать въ Босфорскій проливъ. Командиръ фрегата, Папа-Христо, имѣлъ достоинство не скрыть этого отъ Государя. Какъ ни непріятенъ этотъ принужденный визитъ Султану долженъ былъ быть для Царя, онъ принялъ это извѣстіе съ свойственнымъ ему мужествомъ духа, и потомокъ Петра оказался въ несчастіи достойнымъ предка. Говорятъ тоже, что по случаю нѣкотораго сходства нашего пріятеля Александра Суворова съ Царемъ, ему, на случай необходимости въѣхать въ Босфоръ, предназначено было быть калифомъ на часъ, и потомъ найти способъ Государя, въ качествѣ офицера, отправить въ Петер-

Возвратясь къ мирнымъ занятіямъ, графъ Воронцовъ, въ 1829 г., своими распоряженіями содѣйствовалъ безостановочному доставленію продовольственныхъ припасовъ для второй арміи, перешедшей чрезъ Балканы и побѣдоносно двигавшейся къ Адріанополю. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему пришлось бороться съ проникнувшею въ предѣлы Новороссійскаго края чумою, устраивать на Днѣстровской линіи карантины для выдержанія очистительныхъ терминовъ возвращавшимся съ театра войны войскамъ нашимъ, принимать самыя дѣятельныя мѣры къ охраненію Имперіи отъ внесенія заразы, которая стала уже появляться въ самой Одессѣ. Энергическими средствами чумѣ преграждены были повсюду пути къ развитію. Но къ сожалѣнію не вездѣ и не во всѣхъ городахъ Новороссійскаго края эти мѣры были исполнены безропотно. Въ Севастополѣ матросы воспротивились предохранительнымъ мѣрамъ, стѣснявшимъ ихъ въ общественномъ и домашнемъ быту. Это сопротивленіе приняло размѣры сильнаго возмущенія, плачевнымъ исходомъ коего были истязанія и убійство Севастопольскаго военнаго губернатора Сталыпина.

Вѣсть о томъ была получена графомъ Воронцовымъ въ Одессѣ, когда онъ готовился воспользоваться всемилостивѣйше дарованнымъ ему отпускомъ для сопровожденія за границу своего семейства и страстно-любимой дочери, болѣзнь которой требовала пользованія минеральными водами. Графъ Воронцовъ благословилъ и отправилъ въ путь свою семью, а самъ поспѣшилъ въ Севастополь.

Подъ знойнымъ солнцемъ Тавриды, въ палаткахъ, на сѣверной сторонѣ города, оцѣпленнаго карантинами, провели мы нѣсколько мѣсяцевъ, въ самыхъ тяжкихъ трудахъ. Надо было изслѣдывать причины, возбудившія волненіе; опредѣлять степени виновности участвовавшихъ въ безпорядкахъ, назначать заслуженную ими кару. Не могу не упомянуть здѣсь объ одномъ эпизодѣ моего служебнаго поприща. Тутъ выразилась неимовѣрная, по истинѣ обворожительная снисходительность къ подчиненнымъ, которою графъ Воронцовъ умѣлъ привязывать къ себѣ всѣхъ, имѣвшихъ счастіе при немъ находиться, и вселялъ въ нихъ безграничную къ себѣ преданность. Когда приведены были къ совершенному окончанію слѣдствіе и судъ по прискорбному Севастопольскому возмущенію, и оставалось составить о томъ донесеніе, съ изложеніемъ малѣйшихъ подробностей этого дѣла, для представленія Государю Императору, графъ Воронцовъ, оставшись послѣ обѣда на единѣ

бургъ. Къ счастію, обошлось безъ этого всего. И слава Богу! Русскому Царю слѣдуетъ посѣтить Царьградъ, когда Софійская мечеть опять будетъ храмъ Святой Софіи". Письмо это писано изъ Яссъ, въ Ноябрѣ 1828.

Отъ одного изъ находившихся въ эти злые дни на кораблѣ „Императрица Марія" случилось намъ слышать, что графъ М. С. Воронцовъ, приглашенный въ царскую каюту на совѣщаніе о томъ, какъ быть, если буря унесетъ корабль къ Турецкимъ берегамъ и если Турки овладѣютъ имъ, подалъ мнѣніе, что въ крайнемъ случаѣ отнюдь не слѣдуетъ сдаваться въ плѣнъ, а прибѣгнуть къ дѣйствію пороха и всѣмъ взлетѣть на воздухъ. *П. Б.*

со мною, принялся диктовать мнѣ это пространное донесеніе, на что потребовалось продолжительное время. Кончивъ, онъ мнѣ сказалъ: „Теперь прочтемъ, что мы съ тобой написали“. Ужасъ овладѣлъ мною, когда я увидалъ, что нѣсколько листовъ бумаги были мною испещрены какими-то лишенными всякаго смысла гіероглифами. Утомленный отъ продолжительныхъ трудовъ, изнеможенный удушливымъ жаромъ, я находился въ какомъ-то онѣмѣніи, и хотя всё мнѣ передаваемое графомъ врѣзывалось въ моей памяти, но излагать на письмѣ я былъ не въ силахъ. И вотъ, вмѣсто ожидаемаго, вполнѣ мною заслуженнаго гнѣва, я услышалъ только слѣдующія слова: „Какъ тебѣ не совѣстно, любезный другъ? Не пожалѣлъ ты меня! „Знаешь, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю минуты, когда мнѣ „можно будетъ отправиться къ своему семейству, а ты заставилъ „меня потерять столько времени. Если ты не хотѣлъ мнѣ въ на„стоящемъ дѣлѣ помочь, то тебѣ слѣдовало мнѣ о томъ объявить, „и я попросилъ бы кого либо другаго имъ заняться“. Эти слова, кроткимъ и мягкимъ голосомъ высказанныя, имѣли магическую силу. Въ мигъ я освѣжился и, такъ сказать, отрезвѣлъ... „Не безпокойтесь, ваше сіятельство, отвѣчалъ я, поѣзжайте какъ всегда въ городъ *): по возвращеніи вы найдете готовый проэктъ донесенія“. Такъ и было сдѣлано. Прочитавъ представленную работу, графъ меня обнялъ и благодарилъ, извиняясь, что усумнился въ неизмѣнной моей готовности ему содѣйствовать. Не часто бывали подобныя отношенія между начальникомъ и подчиненнымъ!

Возвратившись въ Одессу, графъ Воронцовъ немедленно собрался въ путь и взялъ меня съ собою. Но увы! Какъ мы ни торопились, но не застали молодой графини въ живыхъ. Я былъ свидѣтелемъ скорби, имъ овладѣвшей, когда, въ недальномъ разстояніи отъ Вѣны, получена была роковая вѣсть о кончинѣ юнаго, прелестнаго существа, вмѣщавшаго въ себѣ начала всего прекраснаго: ангельской доброты, живаго, веселаго ума и необыкновенной красоты. Я видѣлъ его слезы, проливаемыя ежедневно на могилѣ дочери, надъ которой онъ поставилъ крестъ съ надписью: „Да будетъ воля Твоя!“

Такимъ образомъ первый мой шагъ за порогъ Отечества совершился при грустныхъ обстоятельствахъ; но зима, проведенная въ Вѣнѣ, оставила во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія. Въ то время посломъ нашимъ, при Австрійскомъ дворѣ былъ Д. П. Татищевъ. При значительныхъ денежныхъ средствахъ, бо̀льшею частію получаемыхъ отъ нашего двора, при великомъ вліяніи на Вѣнскій кабинетъ, Дмитрій Павловичъ жилъ истиннымъ Русскимъ бариномъ. Его гостинная была средоточіемъ Вѣнской аристократіи; его обѣды, рауты и балы, кромѣ привѣтливаго радушія хозяина, были украшаемы любезностію его супруги и проживавшей у нихъ

*) Каждый вечеръ, графъ Воронцовъ переправлялся съ сѣверной стороны Севастополя на лодкѣ въ городъ для обозрѣнія мѣръ, принятыхъ имъ къ окончательному подавленію чумной заразы и возстановленію повсюду порядка.

близкой родственницы графини Апраксиной (въ послѣдствіи вышедшей за мужъ за графа Эстергази). Вскорѣ однако увеселенія въ домѣ Русскаго посла и приготовленія къ устройству въ ономъ спектаклей были парализированы извѣстіемъ о вспыхнувшемъ въ Варшавѣ бунтѣ. На обѣдѣ данномъ Д. П. Татищевымъ, 6-го Декабря, князь Меттернихъ, провозглашая торжественно тостъ за здоровье Императора Россійскаго и короля Польскаго, выразилъ всеобщее негодованіе, возбужденное вѣроломствомъ подвластнаго ему племени.

Въ Маѣ 1830 г. я отправился съ графомъ Воронцовымъ и его семействомъ въ Лондонъ. Проѣздъ чрезъ всю Германію, по шоссейнымъ путямъ, съ остановками на ночлеги, представилъ мнѣ всѣ прелести непрестанно смѣняющихся картинъ величественной природы и твореній рукъ человѣческихъ. Въ Роттердамѣ мы сѣли на пароходъ, перенесшій насъ въ Лондонъ. Здѣсь, отдыхая отъ трудовъ, подъятыхъ на служеніе Отечеству, доживалъ свой вѣкъ маститый старецъ, графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, отецъ Михаила Семеновича, стяжавшій всеобщую любовь и уваженіе, въ странѣ, въ которой былъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, представителемъ Русскихъ монарховъ. Сохранивъ до кончины свѣжесть ума всесторонне-образованнаго и память о событіяхъ, давно совершившихся, ознаменовавшихъ эпоху Елисаветинскаго царствованія, графъ Семенъ Романовичъ любилъ, въ бесѣдахъ своихъ, вспоминать о дѣяніяхъ Елисаветы Петровны, которой онъ былъ душою преданъ; любилъ указывать на дѣятельное участіе, которое принимали въ событіяхъ былой эпохи родной его братъ, бывшій государственнымъ канцлеромъ, графъ Александръ Романовичъ, о коемъ, равно какъ и о графѣ Михайлѣ Ларіоновичѣ Воронцовѣ, мы находимъ теперь столько драгоцѣнныхъ свѣдѣній въ „Архивѣ Князя Воронцова".

Предаваясь, съ жаднымъ любопытствомъ, осмотру всѣхъ достопримѣчательностей Лондона, я совершилъ поѣздки въ Брайтонъ, Ливерпуль и Манчестеръ, и готовился расширить кругъ своихъ наблюденій, когда постигла меня необходимость отъ нихъ оторваться. Я получилъ изъ Москвы вѣсть о кончинѣ моей тетки и долженъ былъ туда отправиться. „Какія", спросилъ меня графъ Воронцовъ, „сдѣлала твоя тетушка распоряженія по своему имуществу?"— „Не знаю", отвѣчалъ я, „но неоднократно слыхалъ отъ нея, что „она намѣревалась избрать васъ своимъ наслѣдникомъ, по завѣщанію, своего имѣнія въ Курской губерніи."—„Вѣроятно", сказалъ „графъ, „дѣлая такое распоряженіе, она была увѣрена, что, получивъ это имѣніе, я его передамъ тебѣ. Поѣзжай же; если предположеніе твое оправдается и если дѣйствительно существуетъ духовное завѣщаніе тетки твоей въ пользу мою, то пришли мнѣ къ „подписи довѣренность на твое имя, для полученія завѣщаннаго „имѣнія". Получивъ депеши и курьерское отправленіе отъ нашего посольства, я сѣлъ на пароходъ, отплывавшій въ Гамбургъ.

Въ началѣ рейса, мы приставали къ разнымъ мѣстностямъ вдоль береговъ Англіи, для высадки и принятія пассажировъ. Отъ при-

бывавшихъ спутниковъ мы собирали вѣсти и съ особеннымъ любопытствомъ распрашивали ихъ о получаемыхъ свѣдѣніяхъ изъ Варшавы. Разсказъ о нѣкоторыхъ успѣхахъ, пріобрѣтенныхъ Поляками надъ Русскими, возбудилъ однажды взрывъ радости въ толпѣ Англичанъ. „Those noble, heroic Poles, провозглашали они, may they be triumphant for ever". Замѣтивъ, что я не принимаю участія въ этомъ ликованіи, спутники мои пристали ко мнѣ съ вопросами о причинѣ моего равнодушія. „Я Русскій", отвѣчалъ я, „вы слѣдовательно понимаете, что я не могу радоваться успѣхамъ (коимъ впрочемъ не „придаю вѣры) мятежниковъ, поднявшихъ оружіе противъ своего „законнаго Государя". Въ заявленіи моемъ я нашелъ усерднаго союзника въ возвращавшемся въ С. Петербургъ старикѣ Бердѣ. „Господа", сказалъ онъ бушующей толпѣ: „я Англичанинъ, Шотландецъ, вышедшій почти нищимъ изъ своего Отечества и встрѣтившій въ Россіи самый радушный пріемъ и покровительство. Подъ „благотворной ея сѣнію, я обрёлъ счастіе жизни моей; мои труды „были оцѣнены и щедро вознаграждаемы; я устроилъ и упрочилъ состояніе свое и семьи моей; сердце мое на всегда будетъ „преисполнено благодарности и привязанности къ Русскому правительству и къ благодушнымъ Русскимъ". Эти слова почтеннаго основателя Невскаго пароходства имѣли сильное вліяніе на слушателей, и во все время нашего дальнѣйшаго плаванія какъ онъ, съ сопровождавшею его племянницею, такъ и я, мы сдѣлались предметами всеобщаго любезнаго вниманія.

Изъ Гамбурга я переѣхалъ, по отвратительной мостовой, въ Любекъ, гдѣ надѣялся найти пароходъ для дальнѣйшаго слѣдованія; но послѣ двухъ-дневнаго тщетнаго ожиданія, опасаясь опоздать доставленіемъ порученныхъ мнѣ депешъ, я рѣшился отправиться, на курьерскихъ лошадяхъ, въ перемѣнныхъ на каждой станціи колясочкахъ. Путешествіе это было сопряжено съ немалыми затрудненіями и остановками, по причинѣ свирѣпствовавшей холеры и принимаемыхъ на каждой границѣ мелкихъ Германскихъ владѣній предосторожностей противъ распространенія этой болѣзни. Пробывъ нѣсколько часовъ въ Берлинѣ, я поспѣшилъ въ С.-Петербургъ и, сдавъ депеши въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, отправился въ Москву.

Въ тамошнемъ Опекунскомъ Совѣтѣ хранилось дѣйствительно духовное завѣщаніе тетки моей въ пользу графа Воронцова. Я поступилъ, согласно его наставленіямъ и, получивъ отъ него засвидѣтельствованную, въ посольствѣ нашемъ въ Лондонѣ, довѣренность, принялся за выполненіе воли покойной: имѣніе ея поступило во владѣніе графа, а имъ передано мнѣ, въ послѣдствіи по купчей крѣпости, на его счетъ совершенной. Заботы по этому дѣлу, отнявшія у меня много времени, не дозволили мнѣ возвратиться въ Лондонъ, и я принужденъ былъ выжидать прибытія графа Воронцова въ Россію.

Отдохнувъ за границею, съ обновленными силами, графъ Воронцовъ принялся за довершеніе творческихъ своихъ начинаній по

управленію Новороссійскимъ краемъ. Ежедневно, съ 7 часовъ утра, его можно было заставать за работою. Въ его незабвенномъ для меня кабинетѣ, въ коемъ протекли лучшіе годы моей жизни, я позналъ, какія обильныя, драгоцѣнѣйшія сокровища могутъ совмѣщаться въ умѣ проницательномъ, всеобъемлющемъ, руководимомъ чувствомъ любви къ человѣчеству и стремленіемъ ко всему высокому и полезному. Истинно-классическое образованіе, полученное графомъ Воронцовымъ въ Англіи, развивъ въ немъ процессъ мышленія, пріучило его вникать въ глубину разсматриваемаго вопроса, изслѣдовать его тайники и не прежде приступать къ выполненію какого либо предположенія, какъ по всестороннему его обсужденію.

Занимаясь, безъ устали, ежедневно съ 7 часовъ утра до 6 вечера, съ небольшимъ промежуткомъ, который употреблялся на прогулки верхомъ или пѣшкомъ по городу, графъ Воронцовъ требовалъ той же усердной дѣятельности отъ окружающихъ его подчиненныхъ. Снисходительность къ другимъ и готовность сознавать свои ошибки были его принадлежностями. Упрекнувъ меня однажды въ утратѣ одной бумаги по дѣлу, особенно его занимавшему, которую онъ отыскалъ вслѣдъ за тѣмъ въ указанномъ ему мною ящикѣ его письменнаго стола, онъ не только выразилъ сожалѣніе, что понапрасну меня обвинилъ, но, по прошествіи нѣкотораго времени, когда обстоятельство это уже было забыто, готовясь къ принятію Св. Тайнъ, въ дни страстной седмицы, предъ исповѣдью, испрашивая прощенія у окружавшихъ его, обратился ко мнѣ съ словами: „Прошу тебя, не по одному лишь христіанскому обычаю про„стить меня, но потому что виновенъ предъ тобою въ несправед„ливомъ укорѣ.“

Кромѣ управленія Новороссійскимъ краемъ, графа Воронцова занимали и другіе государственные вопросы. Находясь въ постоянной перепискѣ съ графами В. П. Кочубеемъ, К. В. Нессельроде, съ своимъ другомъ графомъ А. Х. Бенкендорфомъ и съ другими лицами, стоявшими во главѣ различныхъ отраслей государственнаго управленія, онъ сообщалъ имъ свои соображенія по всему, что могло содѣйствовать къ возвеличенію и развитію благоденствія пламенно имъ любимой Россіи. Между прочимъ, постояннымъ предметомъ его соображеній было упраздненіе крѣпостнаго права.

Въ 1833 г. въ сферу дѣятельности графа Воронцова вторгнулись новыя заботы. Новороссійскій край постигъ голодъ, вслѣдствіе повсемѣстныхъ засухъ и неурожаевъ. Для распредѣленія предоставленныхъ правительствомъ средствъ вспоможенія, составлены были комитеты подъ непосредственнымъ наблюденіемъ графа Воронцова, на которые возложено было вникать во всѣ нужды, раздавать вспомоществованія деньгами и продовольственными припасами, снабжать поселянъ зерномъ для обсѣмененія полей, скотомъ для полевыхъ работъ. Неусыпною заботливостію главнаго начальника Новороссійскихъ губерній и Бессарабіи, при издержкахъ, незначительныхъ сравнительно съ обширностію постигнутаго голо-

домъ края, населеніе прокормилось, и обильныя въ слѣдующіе годы жатвы доставили средства постепенно возмѣстить произведенныя хлѣбомъ и деньгами ссуды.

Въ нѣкоторое подспорье вспомоществованію устроены были въ Одессѣ спектакли, въ коихъ принимали участіе дамы высшаго круга, выказавшія замѣчательныя сценическія дарованія. Графъ Михаилъ Семеновичъ, съ тѣмъ же рвеніемъ, съ коимъ подвизался на всякое дѣло, принималъ живое участіе въ организаціи этихъ спектаклей, въ выборѣ піэсъ и въ самой обстановкѣ, и нерѣдко, во время ежедневныхъ своихъ прогулокъ, посѣщалъ репетиціи. Эти еженедѣльныя представленія, на Русскомъ и Французскомъ языкахъ, имѣли блистательный успѣхъ и доставили значительную денежную сумму. Рецензіи о нихъ, появлявшіяся въ Одесскомъ Вѣстникѣ, основаны были на строгой, безпристрастной оцѣнкѣ игры актеровъ.

Графъ Воронцовъ ежегодно, по нѣскольку разъ, обозрѣвалъ, во всѣхъ концахъ, обширный край, его управленію ввѣренный. Я постоянно находился при немъ. Въ одинъ изъ такихъ объѣздовъ, когда мы плыли на пароходѣ „Петръ Великій" (это былъ первый пароходъ, появившійся въ водахъ, омывающихъ берега Новороссіи) изъ Ялты въ Ѳеодосію, Керчь и Таганрогъ, насъ постигла въ Азовскомъ морѣ сильная буря; холодный порывистый вѣтеръ дулъ немилосердно, въ теченіи многихъ дней; мы должны были стать на якоряхъ, въ значительномъ разстояніи отъ берега. На пароходѣ началъ чувствоваться недостатокъ въ провизіи. Наконецъ буря нѣсколько усмирилась, и оказалось возможнымъ спустить лодку, на которой адъютантъ графа Воронцова, Орлай отправился къ берегу, для привоза съѣстныхъ припасовъ. Вскорѣ потомъ и мы всѣ высадились на этотъ пустынный берегъ, окаймлявшій унылую степь, на которой разбросаны были лишь рыбачьи землянки. Окинувъ взоромъ эту мѣстность и удобства прилегающей къ ней пристани, графъ Воронцовъ угадалъ въ ней средоточіе для сбыта произведеній изъ окрестныхъ земель Азовскихъ казаковъ, селеній Менонитовъ и Нагайскихъ Татаръ, изъ губерній Таврической, Екатеринославской, а отчасти и сопредѣльной имъ Харьковской. Такимъ образомъ возникъ въ 1835 году портовой городъ Бердянскъ, нынѣ столь обогатившійся отпускною торговлею. Въ память претерпѣнной нами бури, и до нѣкоторой степени, голода, по возвращеніи въ Одессу, мы поднесли графу Воронцову серебряную вазу съ вырѣзанными на ней именами всѣхъ участвовавшихъ въ этомъ путешествіи.

Вспоминаю другое любопытное и въ высшей степени пріятное плаваніе на корветѣ „Ифигенія", командиромъ коего былъ тогда Путятинъ (нынѣ адмиралъ и графъ). Мы слѣдовали вдоль очаровательнаго восточнаго берега Чернаго моря, высаживались на разныхъ пунктахъ живописной мѣстности и посѣщали лагерь генерала Вельяминова, среди непокорныхъ Горцевъ. По возвращеніи, графъ Воронцовъ представилъ Государю Императору отчетъ объ

этой поѣздкѣ и предположенія свои о возведеніи на берегу отдѣльныхъ небольшихъ укрѣпленій на подобіе существующихъ на Англійскихъ берегахъ башенъ à la Martello, съ тѣмъ, чтобы горцы не были тайно снабжаемы порохомъ, солью и разными потребностями.

Въ 1837 г., находясь при графѣ Воронцовѣ, я былъ свидѣтелемъ великолѣпныхъ Вознесенскихъ маневровъ, послѣ которыхъ Государь Императоръ съ Августѣйшею фамиліею прибылъ въ Одессу, а оттуда на южный берегъ Крыма. Великолѣпный замокъ въ Алупкѣ, еще не совсѣмъ достроенный, удостоился помѣстить въ своихъ стѣнахъ высокихъ гостей. Оставаясь въ Алупкѣ, пока Государь ѣздилъ на Кавказъ, Императрица Александра Ѳеодоровна и Великая Княжна Марія Николаевна ежедневно обозрѣвали живописныя мѣстности края, совершая прогулки верхомъ.

Хозяева Алупки неусыпно заботились о доставленіи своимъ Августѣйшимъ гостямъ возможныхъ удобствъ и развлеченій: устраиваемы были иллюминаціи, зажигались бенгальскіе огни по скаламъ, фонтанамъ и каскадамъ на хребтѣ Яйлы, отдѣляющей южный берегъ отъ сѣверной покатости Крыма, горѣли костры на высотахъ зубчатаго Ай-Петри. Въ обширной залѣ Алупкинскаго замка была устроена импровизированная сцена, какъ бы на открытомъ воздухѣ, безъ кулисъ и занавѣса, образовавшая дремучій лѣсъ изъ огромныхъ живыхъ деревьевъ; представлена была, на Французскомъ языкѣ, піэса: *Jocrisse, chef de brigands.* Я участвовалъ въ этомъ представленіи, исполняя роль Жокриса. Императрица, не знавшая о приготовленіяхъ, была изумлена, при входѣ въ залу. Ея Величество казалась довольна исполненіемъ этой піесы, а Великая Княжна смѣялась отъ души, говоря, что она никогда не была такъ весела. По окончаніи представленія, Императрица взошла на сцену, съ очаровательною любезностію обратилась къ участвовавшимъ въ представленіи, милостиво выразила имъ свое удовольствіе и пригласила ихъ на вечеръ. Съ тѣхъ поръ мы имѣли счастіе постоянно быть принимаемы Ея Императорскимъ Величествомъ по вечерамъ, на которыхъ играли въ карты, занимались музыкою, а нѣкоторые изъ присутствовавшихъ пѣли. Звуки оркестра, расположеннаго на открытомъ воздухѣ, довершали прелесть этихъ незабвенныхъ вечеровъ.

Оставленное на столѣ, въ кабинетѣ Алупкинскаго замка, собственноручное письмо Императрицы Александры Ѳеодоровны свидѣтельствуетъ, что ей было пріятно пребываніе на южномъ берегу Крыма. Выражая, между прочимъ, сожалѣніе, что разстается съ Алупкою и что ей, можетъ быть, не доведется уже увидѣть эту страну, Государыня оканчивала свое письмо словами: „по что Черное море такъ отдалено отъ Балтійскаго?“

Нынѣ сблизились эти два моря. Чугунъ и пары ихъ соединили, облегчивъ передвиженіе съ Сѣвера на Югъ, и южный берегъ Крыма озарился блескомъ, дотолѣ небывалымъ.

По отбытіи Императрицы, оставалась въ Крыму Великая Княгиня Елена Павловна, жившая въ Мисхорѣ, имѣніи Л. А. Нарыш-

кина. Радушное, чуждое всякой оффиціяльности, обхожденіе ея, бесѣды, оживляемыя ея высокихъ умомъ и любезностію, устраиваемые у нея танцовальные вечера и подъ ея собственнымъ наблюденіемъ живыя картины, останутся незабвенными.

Вскорѣ графъ Воронцовъ долженъ былъ поторопиться въ Одессу. Съ Востока снова появился грозный его бичь—чума. Снова были ею вызваны тѣ энергическія мѣры, которыя увѣнчались въ 1829 году полнымъ успѣхомъ. И на сей разъ, эти мѣры достигли своей цѣли; въ память этого были выбиты золотыя и серебряныя медали, для ношенія на Александровской лентѣ, въ петлицѣ, лицами, содѣйствовавшими прекращенію заразы.

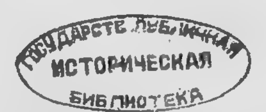
Во время господствовавшей въ Одессѣ эпидеміи бодрость духа не покидала графа Воронцова. Веселый его нравъ ни на мигъ не измѣнялся. Всякія общественныя сходки и сообщенія между жителями города были прерваны; тѣ только лица, на коихъ лежала обязанность наблюдать за исполненіемъ мѣръ для пресѣченія болѣзни, какъ то: за передачею жизненныхъ припасовъ и всѣхъ предметовъ, заразу пріемлющихъ не иначе какъ подвергнувъ ихъ окуркѣ, могли появляться на улицахъ, для чего они снабжаемы были особыми знаками. Въ генералъ-губернаторскомъ домѣ прекращены были пріемы, и къ обѣду собирались лишь члены семейства и самые приближенные люди. Самъ же хозяинъ изумлялъ своимъ остроуміемъ, любезностію и всесторонними познаніями въ областяхъ науки и искусства. Непостижимо, какъ онъ умѣлъ переходить отъ занятій, требовавшихъ сосредоточенія и глубокихъ соображеній, къ разнообразнымъ веселымъ бесѣдамъ, забавамъ и шуткамъ. Городская публичная библіотека находилась въ завѣдываніи нѣкоего иностранца Спады, національность коего оставалась для всѣхъ неизвѣстною. До прибытія въ Одессу онъ проживалъ въ домѣ графа В. П. Кочубея. Онъ былъ принимаемъ почти ежедневно у графа Воронцова. Этотъ Спада хвалился отличнымъ знаніемъ Французскихъ классическихъ твореній, любилъ блеснуть, часто не въ попадъ, цитатами изъ произведеній Вольтера, Корнелія, Расина, а иногда даже и изъ древнихъ классиковъ—Горація и Виргилія, и составлять чуждые всякаго поэтическаго достоинства вирши. Однажды, вслѣдствіе спора о значеніи какого-то литературнаго произведенія, я получитъ отъ Спады посланіе въ стихахъ. Когда я прочиталъ ихъ графу Воронцову, Михаилъ Семеновичъ немедленно импровизировалъ и продиктовалъ мнѣ отвѣтъ, въ стихахъ же, съ эпиграфомъ: *à corsaire, corsaire et demi.* Каждому изъ собиравшихся къ обѣду поручено было затвердить по одному стиху, а потомъ, усадивъ Спаду въ кресло, мимо его, тихимъ шагомъ, прошла процессія, каждый членъ которой, съ поклономъ, по очереди, произносилъ затверженный стихъ.

Изыскивая средства разнообразить образъ полузатворнической жизни, графъ Воронцовъ, между прочимъ, предложилъ, чтобы каждый, поочередно, готовилъ къ обѣду блюдо, по своему избранію; самъ онъ взялся изготовить любимый его рисовый супъ, *à la Ve-*

netienne. Обратясь ко мнѣ, онъ спросилъ, чѣмъ я намѣренъ угостить наше общество. Я отвѣчалъ, что не имѣю ни малѣйшаго кулинарнаго знанія; но что, прочитавъ, въ послѣднее время, очеркъ Испаніи, составленный однимъ Англійскимъ офицеромъ, служившимъ въ войскѣ Донъ Карлоса, я нашелъ тамъ рецептъ Испанскаго кушанія, называемаго *puchero*, которое, какъ отзывается самъ авторъ книги, отвратительно. По настоятельному требованію графа Воронцова, я изготовилъ это кушаніе; оно ему такъ понравилось, что неоднократно, въ послѣдствіи, и даже въ Тифлисѣ, онъ просилъ меня накормить его Испанскимъ *puchero*.

Такъ, на лонѣ счастія, среди занятій и забавъ, подъ благотворною сѣнію незабвеннаго начальника, протекали годы моей служебной дѣятельности. Мнѣ довелось снова совершить съ графомъ Воронцовымъ поѣздку въ Англію и провести зиму въ Вильтонѣ, близъ Салисбури, великолѣпномъ помѣстьи сестры графа Михаила Семеновича, графини Пемброкъ. Тамъ жили съ графинею сынъ ея Сидней Гербертъ, получившій образованіе въ Оксфордскомъ университетѣ и успѣвшій уже заявить свои блистательнѣйшія дарованія, три дочери съ ихъ мужьями и одна дочь незамужняя. Эти дочери леди Пемброкъ отличались необыкновенною красотою и любезностію. Самую отрадную картину представляла эта благочестивая семья, всѣ члены которой были связаны между собою узами дружбы и единодушнаго согласія, въ которой царствовала полнѣйшая гармонія чувствъ и вѣрованій, основанная на безусловныхъ правилахъ нравственности. Вильтонъ былъ удостоенъ посѣщенія Великаго Князя Михаила Павловича. Имѣлъ я счастіе быть также свидѣтелемъ посѣщенія Лондона Государемъ Цесаревичемъ, нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ и данныхъ, въ честь Его, праздниковъ Великобританскою королевою, тогда еще незамужней, герцогомъ Веллингтономъ и другими лицами высшей аристократіи, обѣда, даннаго Его Высочеству въ Сити негоціянтами, находившимися въ торговыхъ сношеніяхъ съ Россіею, и торжественнаго пріема, сдѣланнаго Цесаревичу въ Оксфордскомъ университетѣ со внесеніемъ Его въ число членовъ этого образцоваго храма науки. Сопутствовалъ я графу Воронцову и въ поѣздкѣ его въ Шотландію. Пробывъ нѣсколько времени у его друга, лорда Гаддингтона, бывшаго, въ старые годы, королевскимъ намѣстникомъ въ Ирландіи и проживавшаго въ великолѣпномъ помѣстьѣ, мы ѣздили въ Эдимбургъ, гдѣ осматривали дворецъ несчастной королевы Маріи Стюартъ и другія достопримѣчательности.

Мы возвращались въ С. Петербургъ на Ирландскомъ, вновь сооруженномъ, пароходѣ, на которомъ, въ числѣ пассажировъ, находилась знаменитая красавица графиня Завадовская. Насъ застигъ сильный противный вѣтеръ; пароходъ сѣлъ на мель; помощи ниоткуда ожидать было невозможно, и мы находились, нѣсколько времени, въ положеніи довольно опасномъ. Сопутницами нашими овладѣли страхъ и уныніе; наконецъ, облегчивъ пароходъ отъ всѣхъ излишнихъ тяжестей и выждавъ морскаго прилива, при усиленно-

разведенныхъ парахъ, мы сошли съ мели и, продолжая плаванiе, зашли въ Копенгагенъ, гдѣ имѣли стоянку для необходимаго осмотра судна и исправленiя оказавшихся поврежденiй, послѣ чего довершили свой путь къ Кронштадту. Пароходъ насъ принесшiй не избѣгнулъ своего предопредѣленiя: въ слѣдующимъ году, совершая рейсъ въ Англiю, онъ погибъ въ водахъ Балтiйскаго моря.

Нѣсколько лѣтъ спустя, мнѣ пришлось съ графомъ Воронцовымъ и его семействомъ обозрѣть южную Францiю, столь богатую памятниками древности. Въ Марселѣ я разстался съ графомъ, отправившимся въ Италiю, и возвратился, чрезъ Геную въ Одессу, гдѣ сверхъ другихъ служебныхъ обязанностей занялся исполненiемъ должностей предсѣдателя Статистическаго Комитета и секретаря Общества Сельскаго Хозяйства.

Въ 1844 году дѣятельности гр. Воронцова дано было направленiе, потребовавшее отъ него усиленной энергiи и трудовъ. Въ Алупкѣ, въ одну Декабрьскую ночь, меня разбудилъ прибывшiй изъ С.Петербурга фельдъегерь, вручившiй мнѣ, для передачи графу, собственноручное письмо Государя Императора отъ 17 Ноября 1844 г. Я поспѣшилъ, въ свою очередь, разбудить графа. Пришедъ въ свой кабинетъ и прочитавъ письмо, онъ сказалъ: „Государю угод„но меня назначить на Кавказъ; но могу ли, при настоящемъ по„ложенiи этого края, принесть ему какую либо пользу? Я старъ и „дряхлъ; тутъ нужны силы свѣжiя, неизнуренныя лѣтами и тру„дами. Я долженъ отклонить отъ себя высокое назначенiе, которое „не въ состоянiи буду выполнить. Такъ я донесу Государю, а те„перь пойдемъ спать.“—Чрезъ нѣсколько времени, за долго до обычнаго часа, я былъ призванъ къ графу Михаилу Семеновичу. „Я „передумалъ свое рѣшенiе“, сказалъ онъ; „перечитаемъ съ тобою дра„гоцѣнныя строки, самимъ Государемъ начертанныя, и ты убѣ„дишься, подобно мнѣ, что немыслимо не преклониться предъ Его „священною волею. Я былъ бы не Русскiй, еслибы посмѣлъ не „пойти туда, куда Царь велитъ. Садись: я тебѣ продиктую отвѣтъ „мой Государю.“

Въ этомъ отвѣтѣ графъ Воронцовъ, высказавъ опасенiя, что, по преклонности лѣтъ и недугамъ, онъ, при всемъ неограниченномъ усердiи, не въ силахъ будетъ оправдать ожиданiй Царя и оказаться достойнымъ высокаго Его довѣрiя, повергалъ къ стопамъ Его Величества готовность, въ случаѣ неизмѣнной Его воли, безотчетно ей покориться.

Переписавъ своеручно проэктированное отвѣтное письмо, графъ Воронцовъ отправилъ фельдъегеря обратно въ С.Петербургъ, и до полученiя окончательнаго царскаго рѣшенiя это дѣло оставалось тайнымъ для всѣхъ, исключая супруги графа, которая къ несказанной его радости выразила желанiе послѣдовать за нимъ на Кавказъ, если дѣйствительно состоится его назначенiе туда.

Вскорѣ снова прибылъ фельдъегерь съ собственноручнымъ Государя Императора велѣнiемъ: графъ Воронцовъ былъ назначенъ на-

мѣстникомъ Кавказскимъ и главнокомандующимъ Кавказскимъ отдѣльнымъ корпусомъ, съ сохраненіемъ званія Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора.

Вслѣдъ за тѣмъ графъ Михаилъ Семеновичъ поспѣшилъ въ Одессу, гдѣ, сдѣлавъ надлежащія распоряженія по управленію Новороссійскимъ краемъ, отправился въ Петербургъ. Мы прибыли туда въ началѣ 1845 года.

Здѣсь, по одному случаю, суждено было мнѣ попасть въ положеніе крайне непріятное и испытать самое тяжелое ощущеніе. Совершенно-новое учрежденіе Кавказскаго намѣстничества требовало составленія инструкціи или наказа съ яснымъ обозначеніемъ степени власти, правъ и обязанностей намѣстника. Занявшись, въ одинъ вечеръ, пересмотромъ заготовленнаго по сему предмету проэкта и сдѣлавъ на него свои замѣчанія и предполагаемыя измѣненія, гр. Воронцовъ приказалъ мнѣ представить эти замѣчанія на усмотрѣніе управлявшаго дѣлами Кавказскаго Комитета статсъ-секретаря Позена. Это было мною исполнено въ слѣдующее утро. Выслушавъ мой докладъ, Позенъ сказалъ мнѣ: „Чтó это такое? Воронцовъ хочетъ себѣ присвоить царскую власть?"—„Все что здѣсь изложено", отвѣчалъ я, „основано на собственноручныхъ письмахъ, коими Государь Императоръ удостоилъ графа Михаила Семеновича, въ коихъ между прочимъ Его Величество изволилъ выразить свою волю въ слѣдующихъ словахъ: „ты будешь *alter ego*".—„Очень хорошо знаю", возразилъ статсъ-секретарь, „что Государь писалъ Воронцову; видѣлъ и отвѣты Воронцова; но все это не даетъ ему „права на присвоеніе власти, одному царю принадлежащей". Встревоженный такимъ отзывомъ лица, облеченнаго довѣріемъ Монарха и пользовавшагося, по своему уму, замѣчательнымъ дарованіямъ и многимъ неоспоримо-важнымъ государственнымъ заслугамъ, вполнѣ справедливымъ вліяніемъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, я поспѣшилъ къ графу Воронцову, для передачи ему, слово въ слово, разговора моего съ г. Позеномъ. Графа не было дома, и я недоумѣвалъ, какъ поступить, когда, на выручку мнѣ, явился посланецъ изъ дворца, приглашавшій графа Михаила Семеновича къ обѣденному столу Ихъ Императорскихъ Величествъ. Зная, приблизительно, гдѣ графъ могъ находиться въ ту минуту, я послалъ къ нему гонца, съ увѣдомленіемъ о сдѣланномъ ему приглашеніи; онъ немедленно возвратился домой, и я, пересказавъ ему все, что происходило между статсъ-секретаремъ и мною, прибавилъ: „Вашему сіятельству необходимо, до отъѣзда къ мѣсту вашего назначенія, отчетливо и безповоротно разъяснить свое положеніе, „права и полномочіе; иначе нельзя не предвидѣть величайшихъ затрудненій и препятствій въ выполненіи вашихъ предположеній по „обязанностямъ, вами на себя принятымъ единственно изъ неограниченной покорности волѣ Государя Императора". Вечеромъ этого знаменательнаго въ жизни моей дня графъ Воронцовъ сказалъ мнѣ, что онъ докладывалъ Его Величеству о всемъ, мною ему сообщенномъ и что, по повелѣнію Государя, должно послѣдовать объясне-

2*

ніе съ г. Позеномъ, въ присутствіи военнаго министра и предсѣдателя Кавказскаго Комитета, князя Чернышева. По прибытіи вышеназванныхъ лицъ къ гр. Михаилу Семеновичу, я былъ позванъ въ его кабинетъ, и тутъ пришлось мнѣ пережить самыя тяжелыя минуты. Обратясь ко мнѣ, графъ приказалъ повторить все, что я ему разсказалъ о разговорѣ моемъ съ статсъ-секретаремъ Позеномъ. Я исполнилъ приказанія буквально. Позенъ упорно утверждалъ, что онъ не говорилъ о желаніи графа Воронцова присвоить себѣ царскую власть. Я продолжалъ завѣрять, что я это слышалъ. „Слова вашего превосходительства", прибавилъ я, „слишкомъ живо впечатлѣлись „въ моей памяти, чтобы я могъ ихъ забыть". Послѣ долгихъ пререканій, статсъ-секретарь сказалъ: „Быть можетъ, я и употребилъ „выраженіе: Царская власть, но вѣдь тонъ дѣлаетъ музыку."—„Не „мое дѣло", возразилъ я, „входить въ сужденіе смысла и значенія вашимъ превосходительствомъ сказаннаго; на мнѣ лежала обязанность передать вамъ то, что мнѣ приказалъ графъ Михаилъ Семеновичъ и таже обязанность передать его сіятельству вашъ отвѣтъ и замѣчанія, и я это исполнилъ въ точности". Происходившее объясненіе меня крайне встревожило; меня долго терзало опасеніе, что я могъ ошибиться и недостаточно вникнуть въ сужденія г. Позена, по поводу представленнаго мною ему проэкта, что я не понялъ значенія этихъ сужденій; и я успокоился лишь по прошествіи многихъ мѣсяцевъ. По истинѣ, какъ бы гора съ моихъ плечъ свалилась, когда, посѣтивъ Одессу, адъютантъ гр. Воронцова, Орлай, остававшійся при управленіи Новороссійскимъ краемъ, сообщилъ мнѣ, что М. П. Позенъ, встрѣтясь съ нимъ, на станціи близъ Кременчуга и узнавъ, что Орлай состоитъ адъютантомъ при гр. Воронцовѣ, завелъ съ нимъ разговоръ о всемъ, что происходило на Кавказѣ и о дѣйствіяхъ главнаго тамъ начальника и прибавилъ: „Мнѣ очень „жаль, что Щербининъ поссорилъ меня съ Воронцовымъ; все что я „ему говорилъ, было сказано какъ товарищу, въ интимной бесѣдѣ, „отнюдь не для того, чтобы это было передано Михаилу Семено„вичу."

На пути изъ С.Петербурга въ Одессу, мы остановились на нѣсколько дней въ Москвѣ. Здѣсь гр. Воронцовъ изъ бесѣдъ съ знаменитыхъ героемъ Кавказа, А. П. Ермоловымъ, съ которымъ, во всю жизнь свою, онъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, вынесъ указанія и наставленія, касавшіяся края, столь Ермолову знакомаго; края, гдѣ онъ составилъ себѣ, на вѣки, славное имя, произносимое съ глубокимъ уваженіемъ.

Путь нашъ съ Сѣвера на Югъ совершился въ зимнемъ возкѣ, при сильной стужѣ, вьюгахъ и метеляхъ. Верстъ за 60 отъ Одессы, насъ встрѣтила весна, во всемъ ея блескѣ. Графъ Воронцовъ намѣревался совершить дальнѣйшій переѣздъ на перекладной телегѣ, но я его отговорилъ отъ этого намѣренія, угрожавшаго ему утомленіемъ и разстройствомъ здоровья. Будучи знакомъ съ нѣкоторыми окрестными помѣщиками, я досталъ коляску; она оказалась столь мало помѣстительною, что двоимъ рядомъ, въ шубахъ, сидѣть

было невозможно. Я снялъ свою и поплатился за то жестокимъ ревматизмомъ, такъ что отъ мучительныхъ страданій, въ теченіи нѣсколькихъ дней, едва могъ двигаться. Гр. Воронцовъ уговаривалъ меня остаться въ Одессѣ, до излеченія; но я никакъ не соглашался отстать отъ него, и кое-какъ дотащился до парохода, на которомъ, въ прекрасный Мартовскій день 1845 года, мы покинули Одессу.

Изъ Керчи мы плыли вдоль восточнаго берега Чернаго моря. Графъ Воронцовъ посѣтилъ укрѣпленія, по этому берегу расположенныя и осмотрѣлъ всѣ пункты, нашими войсками занятые; я же оставался все время недвижимъ, въ каютѣ парохода. Высадились мы въ Редутъ-Кале; оттуда, заѣхавъ въ Зугдизи къ владѣтелю Мингреліи, продолжали путь чрезъ Мартвили, Кутаисъ и Гори и прибыли въ Тифлисъ въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, 25 Марта 1845 г.

Графъ Воронцовъ повсюду на пути былъ привѣтствуемъ изъявленіями радости; вездѣ его встрѣчали съ восторгомъ, а въ Тифлисѣ устроено было въ честь его великолѣпное празднество, на которомъ караванъ-сараи были роскошно убраны произведеніями Востока. Фонтаны съ Кахетинскимъ виномъ, живописно размѣщенные разноцвѣтные шкалики, фонари и плошки, пылающіе костры на возвышенностяхъ, окружающихъ городъ, представляли зрѣлище по истинѣ волшебное.

Первое время посвящено было отобранію отъ бывшаго главнокомандующаго генерала Нейдгардта свѣдѣній, относившихся до положенія края и военныхъ дѣйствій, знакомству съ дѣлами управленія, пріемамъ служащихъ и приготовленіямъ къ выступленію въ походъ противъ Горцевъ.

Въ послѣдней половинѣ Апрѣля, мы отправились на Кавказскую линію. Крѣпость Внезапная была избрана сборнымъ пунктомъ для войскъ, назначенныхъ въ составъ Чеченскаго отряда; имъ было велѣно стянуться туда къ 28 Мая, а до того мы совершили объѣздъ по сѣверному Дагестану.

31 Мая, въ 5 часовъ утра, отслушавъ молебствіе, на нѣкоторомъ разстояніи отъ Внезапной, мы выступили въ походъ съ Чеченскимъ отрядомъ.

Первымъ образцомъ неимовѣрной стойкости, неустрашимости и самоотверженія, одушевляющихъ Кавказское войско, было для меня занятіе приступомъ 5 Іюня высокой крутой горы Анчимееръ. Горцы, бросавшіеся по нѣскольку разъ въ шашки, не смотря на дѣйствіе поставленной ими на хребтѣ горы пушки, были вытѣснены съ урономъ и должны были поспѣшно увезти свою пушку. Мы заняли оставленную ими мѣстность и стали на позицію, на дорогѣ отъ Мичикала въ Андію.

Слѣдуя крайне-медленно, по причинѣ трудности пути, съ вьюками и артиллеріею, по дорогамъ, едва проходимымъ, мы пришли 12 Іюня къ такъ называемымъ Андійскимъ воротамъ.

Эти ворота, по свѣдѣніямъ лазутчиковъ, были сильно укрѣплены; но, по сдѣланной рекогносцировкѣ, удостовѣрились мы, что Горцы покинули свою сильную позицію, которая была укрѣплена каменною стѣною, толщиною около сажени, съ устроенными завалами.

14 Іюня, мы спустились чрезъ Андійскіе ворота въ роскошную долину, изобилующую ручьями и родниками, и взорамъ нашимъ представилась картина дымящихся развалинъ: селенія, разсѣянныя по долинѣ, предъ вступленіемъ нашимъ, по приказанію Шамиля, были преданы пламени.

Непріятельскія силы были сосредоточены за рѣчкою Гадоръ, на высотахъ противъ Андіи, укрѣпленныхъ завалами и батареею изъ 3-хъ орудій. Авангардъ нашъ двинулся къ с. Гочатль. Въ самомъ же селеніи Андіи завязалось жаркое дѣло съ горцами. Двѣ роты Кабардинскаго егерскаго полка, предводительствуемыя кн. А. И. Барятинскимъ (нынѣ генералъ-фельдмаршалъ) бросились въ штыки, выбили непріятеля изъ аула и, одушевленныя храбрымъ своимъ вождемъ, почти ползкомъ взобрались на скалистыя высоты, занятыя горцами. За ними вскарабкались и остальныя роты этого славнаго полка и, не смотря на сильное сопротивленіе непріятеля, на выгодность его позиціи, на устроенные имъ завалы и на неумолкаемый пушечный и ружейный огонь, овладѣли мѣстностію, обратили горцевъ въ бѣгство и очистили весь хребетъ горы. Въ этомъ славномъ дѣлѣ, кн. Барятинскій былъ раненъ. Не забуду, какъ одинъ офицеръ, прострѣленный 2-мя пулями, на вопросъ графа Воронцова о состояніи его ранъ, вмѣсто отвѣта, сказалъ: „На Анчимеерѣ, „ваше сіятельство похвалили Куринцевъ; надѣюсь, что вы признаете, „что и Кабардинцы заслуживаютъ похвалы“.

Въ Андіи простояли мы до 6-го Іюля. Сдѣланы были распоряженія объ обезпеченіи отрядовъ продовольствіемъ и артиллерійскими снарядами и объ устройствѣ укрѣпленнаго лагеря для сосредоточенія этихъ припасовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, гражданское управленіе Кавказомъ и Новороссіею шло своимъ чередомъ.

6-го Іюля мы снялись съ лагеря и направились въ Дарго. Пройдя около 14 верстъ, мы вступили въ густой, вѣковой лѣсъ, по узкому гребню горнаго хребта, между крутыхъ овраговъ, съ трудными спусками и подъемами. Путь нашъ, на каждомъ шагу, былъ преграждаемъ завалами; намъ сопутствовалъ неумолкаемый свистъ пуль, на подобіе жужжанія пчелъ. Навсегда пребудутъ въ памяти моей этотъ день и впечатлѣніе, на меня произведенное встрѣчею съ раненымъ адъютантомъ гр. Воронцова, кн. А. М. Дондуковымъ-Корсаковымъ *). Наканунѣ еще, въ палаткѣ провелъ я съ нимъ пріятнѣйшій вечеръ, въ бесѣдѣ, оживленной замѣчательнымъ остроуміемъ его и услажденной прекраснымъ пѣніемъ юнкера Мы-

---

*) Нынѣ генералъ-адъютантъ, Кіевскій и Подольскій генералъ-губернаторъ.

лова, въ тотъ же день убитаго, и другаго адъютанта графа Воронцова, Лонгинова *) сраженнаго, нѣсколько позже, Чеченскою пулею! Въ этотъ кровопролитный день, между прочими, въ виду главнокомандующаго, былъ смертельно раненъ пулею въ животъ генералъ Фокъ. Онъ наводилъ орудіе, поставленное на узкомъ перешейкѣ между двухъ лѣсистыхъ овраговъ; Горцы, засѣвъ между деревьями, мѣткими выстрѣлами провожали шедшихъ по этому зловѣщему перешейку.

Наконецъ, въ прекрасную ночь, освѣщаемую величавою луною, мы вступили въ Дарго.

Здѣсь мы простояли въ ожиданіи продовольственныхъ припасовъ, долженствовавшихъ прибыть изъ Андіи. Когда, 10-го Іюля, транспортъ показался на высотахъ, высланъ былъ ему на встрѣчу особый отрядъ, коему предстояло преодолѣть величайшія трудности. Уничтоженные нами, 6-го числа, завалы вновь были устроены Чеченцами съ бо̀льшею прочностію, изъ деревьевъ необыкновенной толщины; къ нимъ примыкали боковые завалы; дороги, и безъ того едва проходимыя, повсюду изрыты были проливными дождями. Въ жестокихъ схваткахъ съ Горцами, колонна наша понесла значительнѣйшія потери.

13 Іюля, по уничтоженіи нѣкоторой части нашего лагеря, обращеніемъ палатокъ на обувь и другія надобности нижнихъ чиновъ; по истребленіи менѣе необходимыхъ вьюковъ для доставленія возможности, на освобожденныхъ лошадяхъ, поднять огромное число раненыхъ, мы выступили по направленію къ Герцелъ-аулу. Между тѣмъ, начальнику лѣваго фланга Кавказской линіи, столь прославившемуся генералу Фрейтагу было предписано, собравъ войско, сколько можно, не обнажая Кумыкской плоскости, выступить къ урочищу Мискиту, на встрѣчу нашему отряду.

Невозможно передать всѣ трудности, съ коими неустрашимому, доблестному нашему войску предстояло бороться во всѣ послѣдующіе дни, при движеніи чрезъ Ичкеринскій дремучій лѣсъ изъ вѣковыхъ чинаровъ, по узкимъ тропинкамъ, окаймленымъ оврагами и пересѣкаемымъ завалами. Но не унывали храбрые Кавказцы; ихъ одушевлялъ вождь, закаленный въ бояхъ 1812 года. Твердость, невозмутимое хладнокровіе и присутствіе духа ни на мигъ не покидали графа Воронцова. Между прочимъ, по случаю нѣкотораго смятенія, произведеннаго Горцами, ворвавшимися между вьюковъ, онъ былъ вынужденъ обнажить шашку для собственной защиты. Разъединенный съ нимъ натискомъ двигавшейся колонны, съ горными орудіями, я встрѣтилъ графа Воронцова, съ его обыкновенною, спокойною улыбкою, съ выраженіемъ полной надежности, вселявшей и въ другихъ увѣренность въ торжествѣ надъ всѣми трудностями и опасностями.

---

*) Братъ М. Н. Лонгинова.

Отраженіе натисковъ непріятеля съ 13-го по 17-е число стоило намъ дорого, и мы пришли къ аулу Шпухалъ-Берды съ огромнымъ количествомъ раненыхъ и крайне-тощимъ запасомъ артиллерійскихъ снарядовъ. Между тѣмъ непріятель, пользуясь высотою приваго берега Аксая, дѣйствовалъ на нашъ лагерь изъ 3-хъ орудій, ядрами, картечью и гранатами. Помню, какъ, вошедъ къ графу Воронцову для доклада по дѣламъ (теченіе коихъ не останавливалось въ продолженіи всей экспедиціи), я прервалъ свой докладъ при видѣ докатившагося въ палатку ядра.—„Эхъ, любезный другъ", замѣтилъ графъ: „видно, что ты не былъ подъ Бородинымъ! Ни минуты не проходило тамъ безъ подобныхъ явленій".

18-го Іюля, въ 7 часовъ вечера, на дорогѣ отъ Мискита, засверкали штыки отряда Фрейтага, а 19-го мы тронулись съ лагеря нашего для соединенія съ нимъ. Переходъ этотъ совершенъ былъ при неимовѣрныхъ трудностяхъ; но на каждомъ шагу храбрые Кавказцы являли новыя доказательства, что нѣтъ ничего невозможнаго для Русскихъ солдатъ, оживленныхъ любовію къ Царю и Отечеству и довѣріемъ къ своему вождю.

20-го мы прибыли въ укрѣпленіе Герцель-аулъ съ распущенными знаменами, при звукахъ марша, получившаго и по нынѣ сохранившееся наименованіе Герцель-аульскаго. И до нынѣ не могу я равнодушно слышать этотъ маршъ: онъ оживляетъ во мнѣ воспоминанія объ экспедиціи, вкоренившей во мнѣ чувства благоговѣйнаго уваженія къ доблестямъ Русскаго солдата.

Пробывъ нѣсколько дней въ Герцель-аулѣ, мы отправились въ Темиръ-Ханъ-Шуру, а оттуда въ Кисловодскъ.

Живописная эта мѣстность съ ея цѣлебными водами доставила намъ отрадное отдохновеніе отъ трудовъ и лишеній, нами понесенныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалась предметомъ дѣятельной заботливости графа Воронцова.

Въ Кисловодскѣ графъ Воронцовъ удостоился получить, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, рескриптъ и письмо Государя Императора, при чемъ ему даровано княжеское достоинство, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ назначенъ шефомъ столь имъ любимаго Куринскаго егерскаго полка.

Продолжая, въ качествѣ директора походной канцеляріи, сопутствовать намѣстнику Кавказскому въ экспедиціяхъ слѣдующихъ годовъ и объѣздахъ по краю, я не переставалъ получать самыя тревожныя извѣстія изъ переданнаго мнѣ княземъ Михайломъ Семеновичемъ имѣнія, доведеннаго недобросовѣстными дѣйствіями управителей до совершеннаго разстройства, такъ что, за неплатежъ казеннаго долга, ему предстояло быть продану съ публичныхъ торговъ. Я былъ вынужденъ просить отпуска и поспѣшить въ помянутое имѣніе. Вскорѣ я убѣдился, что приведеніе моихъ дѣлъ хотя-бы въ нѣкоторое устройство потребуетъ много времени, и чтобы не обременить моего благодѣтеля ходатайствомъ о дарованіи мнѣ безсрочнаго или болѣе продолжительнаго отпуска, каковыя ходатай-

ства, въ то время, разрѣшались съ большимъ трудомъ, я рѣшился подать просьбу объ отставкѣ и 20-го Марта 1848 г. былъ уволенъ отъ службы, съ дозволеніемъ носить мундиръ военнаго министерства.

Тяжелая для меня настала година испытаній. При господствовавшей засухѣ и неурожаѣ хлѣбовъ, мнѣ пришлось бороться съ свирѣпствовавшей холерою и принимать мѣры къ охраненію своего имѣнія отъ пожаровъ, истреблявшихъ окрестныя селенія. Къ этому присоединилось стремленіе, распространившееся въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ Курской губерніи между крестьянами, къ побѣгамъ, причемъ кое-гдѣ возникали серіозные безпорядки и буйства. Подстрекаемые недоброжелательными личностями, распускавшими слухи, что правительство приглашаетъ помѣщичьихъ крестьянъ къ переселенію на Кавказъ, при чемъ будто даруются имъ, безвозмездно, земли, денежныя пособія на обзаведеніе и освобожденіе отъ всякихъ податей и повинностей, крестьяне цѣлыми толпами, съ семействами и пожитками, пускались въ обѣтованную землю. Въ подтвержденіе истины распускаемыхъ завѣреній, указываемо было на меня, якобы посланнаго отъ намѣстника Кавказскаго для приглашенія къ переселеніямъ, и мнѣ приходилось непрестанно входить въ разъясненія нелѣпости этихъ толковъ.

Приведя въ нѣкоторый порядокъ и устройство раззоренное мое имѣніе, я обратился къ князю Воронцову съ просьбою объ опредѣленіи меня вновь на службу и по его приглашенію отправился въ Тифлисъ, прибылъ туда въ Ноябрѣ 1848 года, а 25 Февраля 1849 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о причисленіи меня къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, съ откомандированіемъ, для занятій, къ намѣстнику Кавказскому. Вскорѣ потомъ, князь Михаилъ Семеновичъ поручилъ мнѣ управленіе его гражданской канцеляріи, по случаю назначенія въ сенаторы директора этой канцеляріи, С. В. Сафонова, находившагося, подобно мнѣ, съ самаго начала своего служенія при князѣ.

Будучи во главѣ учрежденія, въ которомъ сосредоточивались всѣ пружины по разнороднымъ отраслямъ обширнаго управленія Кавказомъ, Закавказьемъ и Новороссійскимъ краемъ, я снова обрѣлъ счастіе находиться въ постоянныхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ княземъ Воронцовымъ, быть свидѣтелемъ соображеній и исполнителемъ его творческихъ предначертаній; изумляться его геніяльнымъ замысламъ и быстротѣ, съ которою онъ разрѣшалъ самые трудные вопросы; испытывать кроткую снисходительность, съ которою онъ дозволялъ своимъ подчиненнымъ излагать ему свои мнѣнія и возраженія. Въ одну изъ поѣздокъ князя Михаила Семеновича по краю, я представилъ ему письменно мои замѣчанія по одному дѣлу. Онъ мнѣ отвѣчалъ, между прочимъ: „Я долженъ тебѣ сдѣлать выговоръ за тѣ изы-„сканныя рѣчи, коими извиняешься, Богъ знаетъ для чего, въ томъ, „что излагаешь мнѣ свое мнѣніе, не совсѣмъ согласное съ моимъ. „Мнѣ кажется что въ теченіи 25 лѣтъ, что̀ мы съ тобою служимъ,

„ты могъ убѣдиться, что я всегда принимаю не только безъ не-„удовольствія, но съ благодарностію, мнѣнія и совѣты людей, ко-„торыхъ люблю и уважаю".

Насталъ грозный 1853 годъ. Князь Воронцовъ, изнемогавшій подъ бременемъ недуговъ, вслѣдствіе губительной лихорадки, постигшей его въ поѣздкахъ по краю и между прочимъ въ землѣ непокорныхъ намъ Закубанскихъ племенъ и во время движенія въ землю Натухайцевъ и долину Адагумъ, терзался мыслію, что не въ состояніи будетъ принимать участіе въ готовившихся событіяхъ. Физическія его силы стали приходить въ разладъ съ нравственными, и хотя, по полученіи извѣстія о вторженіи Турокъ въ предѣлы Закавказья, князь Михаилъ Семеновичъ диктовалъ, съ одра болѣзни, распоряженія къ отраженію непріятеля, а радостныя вѣсти о блистательныхъ успѣхахъ нашихъ отдѣльныхъ начальниковъ и о славномъ Башъ-Кадыкларскомъ дѣлѣ оживили доблестнаго главнокомандующаго, но... не на долго. Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе онъ сталъ сознавать свое безсиліе въ борьбѣ съ самимъ собою, и съ стѣсненнымъ сердцемъ нашелся вынужденнымъ просить объ увольненіи въ отпускъ къ минеральнымъ водамъ, за границу.

Въ исправленіе должностей намѣстника и главнокомандующаго отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ вступилъ генералъ Реадъ. Отношенія мои къ нему были самыя пріятныя.

Князь Воронцовъ не переставалъ и за границею, не смотря на болѣзненное свое состояніе, принимать живѣйшее участіе въ судьбахъ страны, имъ возрожденной. На сообщаемыя ему мною постоянно свѣдѣнія онъ отвѣчалъ мнѣ письмами, свидѣтельствовавшими о его любви къ этой странѣ. Письма эти составляютъ драгоцѣннѣйшее мое достояніе; отрывки изъ нихъ помѣщены были въ „Русск. Архивѣ" (1870). Между прочимъ, его постоянно терзало опасеніе за участь укрѣпленій на восточной береговой линіи. Узнавъ о выводѣ и о состоявшейся благополучной посадкѣ этихъ гарнизоновъ на суда и прибытіи ихъ къ войскамъ, князь Воронцовъ писалъ мнѣ, отъ 22 Марта 1854: „Съ неописанною радостію узналъ я о „счастливомъ освобожденіи и переведеніи въ Новороссійскъ гарнизо-„новъ 7-ми прибрежныхъ укрѣпленій между Геленджикомъ и Гагрою. „Ужасное истребленіе, которое имъ угрожало съ ихъ женами и дѣтьми „отъ руки Горцевъ, мучило меня, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣся-„цевъ, и мы теперь освобождены отъ тяжкаго бремени грустныхъ „помышленій".

Безуспѣшность леченія за границею привела князя Воронцова къ окончательному сознанію въ невозможности продолжать свое служеніе и, вслѣдствіе его просьбы, состоялось 19 Октября 1854 г. Высочайшее повелѣніе о его увольненіи.

Преемникомъ князя Воронцова назначенъ былъ 20 Ноября 1854 года генералъ Муравьевъ. Вспоминая происшедшія, нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, непріязненныя столкновенія по службѣ между симъ послѣднимъ и княземъ Воронцовымъ, я полагалъ, что въ сердцѣ

Н. Н. Муравьева не могло сохраниться благорасположенія къ лицамъ, бывшимъ въ то время ближайшими исполнителями распоряженій князя Михаила Семеновича, и предвидѣлъ необходимость передать свою должность директора канцеляріи намѣстника тому, кто для того будетъ избранъ новымъ начальникомъ. Но ласковое и вполнѣ благосклонное обхожденіе Николая Николаевича и служебныя отношенія, между нами установившіяся, вскорѣ убѣдили меня въ ошибочности моего предположенія. Очеркъ этихъ отношеній и воспоминанія о служеніи моемъ при Муравьевѣ, помѣщены въ „Русской Старины 1874 года".

Съ 1856 г. совершился переворотъ въ направленіи моей служебной дѣятельности. Я долженъ былъ оторваться отъ плѣнительнаго Кавказа; разстаться съ страною, которую я возлюбилъ всѣмъ сердцемъ; покинуть поприще, на коемъ протекло столько для меня отрадныхъ лѣтъ. По представленію ген. Муравьева, воспослѣдовало 24 Января Высочайшее повелѣніе присутствовать мнѣ въ Правительствующемъ Сенатѣ. Я былъ назначенъ въ 7-й Департаментъ онаго, въ которомъ, къ великой моей радости, пришлось мнѣ засѣдать съ первымъ моимъ наставникомъ въ обязанностяхъ службы, достойнѣйшимъ и повсюду глубоко-уважаемымъ А. И. Казначеевымъ.

И такъ, постранствовавъ по разнымъ странамъ, испытавъ и перечувствовавъ многое, я снова поселился въ родной моей Москвѣ. Между тѣмъ князь Воронцовъ воспользовался нѣкоторымъ возстановленіемъ своихъ силъ, чтобы въ Августѣ 1855 года представиться Государю въ С.-Петербургѣ и принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ; лѣтомъ 1856 года онъ прибылъ въ Москву для присутствованія при коронованіи Государя Императора; но вскорѣ силы его снова ему измѣнили: изнурительная лихорадка снова приковала его къ одру болѣзни, 26 Августа 1856 г., онъ былъ пожалованъ генералъ-фельдмаршаломъ. Посѣщая его ежедневно, я былъ свидѣтелемъ, съ какимъ трогательнымъ умиленіемъ, со слезами на глазахъ, онъ перечитывалъ рескриптъ Государя Императора, въ коемъ исчислялись его заслуги Престолу и Отечеству; съ какою грустію выражалъ опасеніе, что не въ состояніи будетъ заслужить милости Царя; не можетъ явить ему доказательства своей признательности. Увы! вскорѣ сбылось это предвидѣніе. Въ Одессѣ 6 Ноября 1856 года угасла жизнь геніяльнаго дѣятеля.

Въ концѣ того же года, я получилъ приглашеніе бывшаго министра юстиціи, графа В. Н. Панина, перейти въ С.-Петербургъ, и былъ назначенъ къ присутствованію въ Межевомъ Департаментѣ Сената.

Въ 1858 г. на меня, по Высочайшему повелѣнію, было возложено обревизованіе Витебской губерніи, въ которой, между прочимъ, установились непріязненныя отношенія и пререканія между губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ дворянства, и обнаружилось, сверхъ того, стремленіе помѣщичьихъ крестьянъ къ отпаденію отъ православія и переходу въ католичество. Подстрекае-

мые помѣщиками и ксендзами, внушавшими имъ, что вѣра Римско-Католическая—панская, а Греко-Россійская—холопская, крестьяне помѣщика Корсака, въ Дризенскомъ уѣздѣ, упорно, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, отказывались отъ выполненія требъ по обрядамъ православія; всѣ дѣлаемыя имъ увѣщанія оставались тщетными, каковое упорство крестьянъ стало принимать размѣры, угрожавшіе не только распространеніемъ обнаружившейся тенденціи, но и самыми пагубными послѣдствіями и безпорядками.

Приступивъ, по прибытіи въ Витебскъ, къ выполненію возложеннаго на меня порученія, я вмѣстѣ съ тѣмъ избралъ день рожденія Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны 1-го Іюля, чтобы открыть, послѣ литургіи и молебствія въ соборѣ, комитетъ для составленія положенія объ улучшеніи быта крестьянъ, выразивъ собравшимся предводителямъ дворянства и депутатамъ увѣренность, что при дружномъ ихъ стремленіи совершится великое дѣло, которое должно составить одну изъ блистательнѣйшихъ эпохъ въ лѣтописи нашего Отечества. Послѣ открытія комитета данъ былъ торжественный обѣдъ у преосвященнаго епископа Витебскаго и Полоцкаго Василія.

Сдѣлавъ всѣ надлежавшія приготовительныя распоряженія, я отправился въ Дзерновицъ, имѣніе Корсака. Сознаюсь, что, по всѣмъ до меня доходившимъ слухамъ и въ виду предшествовавшихъ неудавшихся попытокъ образумить крестьянъ, я мало имѣлъ надежды на успѣхъ мною предпринятаго дѣла; но Богу угодно было благословить мои усилія. Ему единому и обязанъ я торжествомъ надъ упорствомъ взволнованныхъ фанатическими подстрекателями, умовъ. Перечень принятыхъ мною по случаю этого прискорбнаго событія мѣръ помѣщенъ въ „Русск. Архивѣ (1872)“ но я не могу не повторить здѣсь, что продолжавшіеся, въ теченіи цѣлаго дня, переговоры мои съ крестьянами мнѣ доказали, что ихъ уклоненіе отъ обрядовъ и вѣрованій предковъ было не плодомъ убѣжденія ихъ въ превосходствѣ Западной церкви надъ Восточною, но послѣдствіемъ раболѣпства и помѣщичьяго гнета, фанатическихъ внушеній Доминиканцевъ, пользовавшихся безпрекословнымъ вліяніемъ на пановъ и въ особенности на женщинъ, въ западныхъ губерніяхъ. Проѣзжая, по обозрѣніи нѣкоторыхъ уѣздовъ Витебской губерніи, въ Полоцкъ, я встрѣтилъ на одной станціи толпу возвращенныхъ въ лоно православія крестьянъ, которые съ рыданіями просили моего ходатайства у Государя Императора о забвеніи ихъ заблужденій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, требовали, чтобы я имъ выдалъ собственноручное, съ приложеніемъ моей печати, свидѣтельство въ томъ, что я буду ихъ защитникомъ отъ преслѣдованій и кары пановъ, каковое ихъ требованіе было мною тутъ же исполнено.

Въ 1859 году я былъ перемѣщенъ, для присутствованія, изъ Межеваго Департамента Сената въ четвертый, а вскорѣ послѣ въ первый.

Проявлявшіяся въ нѣкоторыхъ органахъ отечественной печати уклоненія и тенденціи къ рѣзкому охужденію всего у насъ существующаго, къ выходкамъ противъ современныхъ правительствен-

ныхъ распоряженій, указали на необходимость сосредоточить мѣры наблюденія. Были учреждены особые цензурные комитеты въ С. Петербургѣ и Москвѣ. Бывшій министръ народнаго просвѣщенія, Е. П. Ковалевскій предложилъ мнѣ принять на себя предсѣдательство въ послѣднемъ. Устрашила меня трудность предлагаемой задачи. Мною овладѣло опасеніе, что я не съумѣю опредѣлить искомую демаркаціонную черту между охраною научныхъ изысканій, творческихъ произведеній беллетристики, статей съ благонамѣренными сужденіями, и огражденіемъ общества отъ разъѣдающихъ его тлетворныхъ лжеученій, подкапывающихъ религіозные и нравственные основы порядка и благоустройства. Сильное во мнѣ вселилось недовѣріе къ самому себѣ и къ способностямъ моимъ. Я обратился за совѣтомъ къ бывшему министру юстиціи, графу Панину. Соглашаясь со мною, что путь, на который мнѣ предлагали вступить, многотруденъ и въ высшей степени скользокъ, графъ Викторъ Никитичъ заключилъ свою бесѣду со мною тѣмъ же заявленіемъ, которое постоянно служило руководящею аксіомою покойному князю Воронцову: „Если на то есть воля Царя, то немыслимо не „преклониться предъ этою священною волею; отказаться отъ выпол„ненія ея было бы недостойно Русскаго человѣка“.

Въ Январѣ 1860 года состоялось Высочайшее повелѣніе о назначеніи меня членомъ Главнаго Управленія цензуры и предсѣдателемъ Московскаго цензурнаго комитета, съ оставленіемъ въ должности сенатора, при чемъ мнѣ назначено присутствовать во второмъ отдѣленіи шестаго Департамента. Я отправился въ Москву.

Вооружась терпѣніемъ, хладнокровіемъ и твердою рѣшимостію ни на шагъ не отступать отъ пути, по коему мнѣ надлежало слѣдовать, я принялся за дѣло на меня возложенное: не стѣснять публицистики, предоставляя ей возможное развитіе; не допускать печатнаго слова за предѣлы, гдѣ оно могло бы сдѣлаться опаснымъ орудіемъ въ рукахъ людей неблагонамѣренныхъ; обращать его къ уваженію святости и неприкосновенности тѣхъ основныхъ началъ, которыя цензура обязана охранять, къ соблюденію той трезвости и сдержанности, которыя необходимы при обсужденіи важныхъ государственныхъ вопросовъ и при обличеніи существующихъ злоупотребленій.

Какъ я и ожидалъ, мнѣ пришлось бороться съ трудностями всякаго рода, испытать много неудачъ и разочарованій, нажить себѣ враговъ и порицателей.

При всѣхъ, однако, скорбныхъ ощущеніяхъ, которыя мнѣ суждено было испытать на новомъ моемъ поприщѣ, истинную отраду мнѣ доставляло пріобрѣтаемое мною убѣжденіе, что нѣкоторыя руководящія изданія направляли свою дѣятельность къ отрезвленію заблудшихъ умовъ, къ отрицанію солидарности нашей серьозной, зрѣлой литературы съ тою разъѣдающею подпольною публицистикою, которая сбила съ толку наше учащееся юношество и породила многія грустныя современныя явленія, къ обличенію Польскихъ патріотовъ съ ихъ несбыточными притязаніями.

Сверхъ обязанностей моихъ по Сенату и по цензурному комитету, я былъ, вслѣдствіе предложенія предсѣдателя Московскаго Опекунскаго Совѣта, князя Н. И. Трубецкаго, назначенъ почетнымъ опекуномъ, и мнѣ поручено было управленіе Павловскою больницею.

Въ то время какъ я посвящалъ себя усердному выполненію возложенныхъ на меня обязанностей, мною получено было отъ графа Виктора Никитича Панина письмо, возродившее во мнѣ самыя радостныя мечты. Графъ Панинъ писалъ мнѣ отъ 20-го Сентября 1860 г., что, по случаю неудовлетворительнаго состоянія его зрѣнія и чтобы не замедлить въ работѣ по крестьянскому вопросу, онъ испрашивалъ Высочайшаго разрѣшенія, въ случаѣ болѣзни, пригласить меня, именемъ Его Величества, въ Петербургъ. Онъ прислалъ ко мнѣ журналы общаго присутствія редакціонныхъ коммиссій и всё что было по этому дѣлу издано, прося меня изучать главныя основанія крестьянскаго дѣла. Съ какимъ восторгомъ я принялся за это изученіе! Какая необъятная радость мною овладѣла при мысли, что и мнѣ предстоитъ участвовать въ совершеніи дѣла, долженствующаго внести самыя свѣтлыя, славныя страницы въ лѣтопись нашего Отечества. Но не суждено было моимъ мечтамъ осуществиться.

Продолжая наблюдать за произведеніями отечественной печати, слѣдя за литературою, этимъ проявленіемъ народной жизни, которое, какъ сама жизнь, не оставаясь неподвижнымъ, постоянно измѣняетъ свое содержаніе, направленіе, и характеръ; признавая за цензурою обязанность сообразоваться съ этимъ движеніемъ литературы и, оставаясь неизмѣнно-вѣрною своимъ основнымъ началамъ, видоизмѣнять свои требованія, я съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе убѣждался въ несостоятельности, во многихъ отношеніяхъ, существовавшей у насъ цензурной системы, въ невозможности установить твердыя незыблимыя начала, на коихъ основывалась бы оцѣнка статей, предназначаемыхъ къ печати; подвести подъ одинъ общій уровень воззрѣнія цензоровъ на допускаемость сужденій, нерѣдко выражаемыхъ языкомъ полунамековъ, болѣе или менѣе замаскированныхъ, и вообще въ трудности примѣненія цензурныхъ постановленій къ предмету, столь неуловимому и измѣнчивому, какъ человѣческая мысль. Двойственность взглядовъ на статьи, представляемыя къ напечатанію, обнаруживалась появленіемъ въ печати статей, запрещенныхъ однимъ комитетомъ и дозволенныхъ другимъ. Естественно, что это должно было порождать въ издателяхъ озлобленіе противъ цензурнаго вѣдомства, обвиненіе его въ произволѣ, насиліи, сомнѣніе въ законности распоряженій. Постепенно прояснялась необходимость въ измѣненіи системы цензурнаго надзора за книгопечатаніемъ и въ примѣненія къ оному карательнаго законодательства, которое, возлагая на автора отвѣтственность предъ закономъ, послужило бы болѣе твердой гарантіей противъ преступленій, совершаемыхъ печатнымъ словомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, освобождая благонамѣренные органы литературы отъ цензурной опеки, возвысило бы въ нихъ чувство самоуваженія.

Приступлено было въ С. Петербургѣ къ составленію проэкта устава книгопечатанія, на основаніи вышесказанныхъ соображеній. По внесенію этого устава на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, я имѣлъ честь быть призваннымъ для участія въ обсужденіи проэктированныхъ правилъ. Уставъ удостоился Высочайшаго утвержденія 6 Апрѣля 1865 года; на меня возложено было званіе начальника Главнаго Управленія по дѣламъ печати, съ оставленіемъ сенаторомъ и почетнымъ опекуномъ, при чемъ я перемѣщенъ въ второе отдѣленіе третьяго Департамента Сената.

1-го Сентября 1865 года вновь сооруженный корабль былъ спущенъ на воду и, на всѣхъ парусахъ, понесся по волнующемуся морю публицистики. Поставленный у кормила этого корабля, я вскорѣ сталъ сознавать трудность его плаванія между подводными камнями, сталъ сознавать, что семи-лѣтняя моя дѣятельность истощила мои физическія и нравственныя силы, и хотя въ теченіи $1\frac{1}{2}$ года управленія дѣлами печати, многія недоразумѣнія, недомолвки въ самомъ законѣ 6-го Апрѣля разъяснились, горизонтъ дѣятельности Главнаго Управленія сталъ значительно очищаться и осязательно обрисовываться, практикою дознанные пробѣлы въ законѣ стали пополняться и шероховатости на пути встрѣчаемыя изглаживаться; но я сталъ убѣждаться въ безуспѣшности усилій къ достойному выполненію на меня возложенныхъ обязанностей и нашелся вынужденныхъ просить увольненія отъ должности, каковое и послѣдовало 2-го Декабря 1866 года.

1-го Января 1867 года я былъ перемѣщенъ къ присутствованію во второй Департаментъ Сената, въ коемъ, къ великой моей радости, первоприсутствующимъ былъ опредѣлявшій меня на службу, глубоко уважаемый А. И. Левшинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по случаю болѣзни почетнаго опекуна Муханова, мнѣ было поручено, до его возвращенія изъ за границы, завѣдываніе Николаевскимъ Сиротскимъ Институтомъ. Познакомившись съ этимъ заведеніемъ, я съ чувствами истинно отрадными имѣлъ возможность усмотрѣть единодушное стремленіе къ достиженію двоякой цѣли его существованія: призрѣнію сиротъ, доставленію имъ образованія и тѣхъ средствъ къ обезпеченію будущности и дарованію Россіи наставницъ, взрощенныхъ въ правилахъ религіи и нравственности въ замѣнъ полуграмотныхъ пришелицъ изъ за границы, коимъ, въ старые года, бывало ввѣряемо воспитаніе женъ и матерей грядущихъ поколѣній.

Съ 1-го Января 1868 г. я состою первоприсутствующимъ въ Межевомъ Департаментѣ Сената. Съ того же времени, мнѣ поручено завѣдываніе С. Петербургскимъ Училищемъ Глухо-нѣмыхъ.

